

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕАЛЬНОЙ АНТРОПОНИМИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д.Б. ПРИСТЛИ И ИХ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ)

FUNCTIONAL AND STYLISTIC POTENTIAL OF REAL ANTHROPONYMS IN WORKS OF FICTION (BASED ON J.B. PRIESTLEY'S NOVELS AND THEIR RUSSIAN TRANSLATIONS)

N. Shutova

Summary. The study concerns the functional and stylistic expressiveness of really existing anthroponyms in fiction. It is argued that the author's choice of names is always motivated. In the process of speech production a name is always influenced by a number of social and cultural factors; as a result, it acquires additional connotations. Over time the obtained connotations become fixed on the language level allowing writers to use definite names, their derivatives and combinations for describing characters. The issue is relevant as many connotations of real names are usually lost or distorted in translations. Social and stylistic connotations of real anthroponyms present the object of the research. Characterising potentialities of names in a work of fiction are the subject of conducted analysis. J. B. Priestley's novels served as the material for investigation. Methods used are communicative, contextual, lexicographic and comparative analysis.

Keywords: work of fiction, anthroponym, anthroponymycon, anthroponymic formula, connotations, translation, social context.

Шутова Нелла Максимовна

*К.филол.н., доцент, Удмуртский государственный университет
Nella_Shutova@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется функционально-стилистический потенциал реально существующих антропонимов в художественном тексте. Проводится мысль о том, что авторский выбор именованных персонажей всегда не случаен. В процессе речевого функционирования антропоним подвергается влиянию многих социально-культурных факторов, что приводит к появлению у него дополнительных смыслов. Эти коннотации впоследствии закрепляются и на языковом уровне, позволяя писателям использовать определенные антропонимы, а также варианты антропонимических формул в качестве средств характеристики персонажей. Актуальность рассматриваемой проблемы состоит в том, что при переводе многие коннотации реальных антропонимов в художественном тексте не доводятся до читателя, просто утрачиваются или искажаются. Объектом исследования являются социальные и стилистические коннотации реальных антропонимов. Предметом исследования выступают характеризующие коннотации имен персонажей в художественном произведении. Материалом для исследования послужили произведения Д. Б. Пристли. Для проведения исследования использовались методы коммуникативного, контекстуального, лексикографического и сопоставительного анализа.

Ключевые слова: художественный текст, перевод, антропоним, антропонимикон, антропонимическая формула, коннотации, социальный контекст.

Долгое время в литературоведческих исследованиях существовало мнение, что, так как в реалистической литературе XX века прием «говорящих имен» не пользовался большой популярностью, то, следовательно, антропонимикон (т.е. совокупность собственных имен всех персонажей в определенном произведении) писателя-реалиста XX века не представляет особого интереса для ономастических исследований. Тем не менее, благодаря интенсификации изучения функциональной стороны языка в целом, в настоящее время можно по-новому ставить и вопрос о функционировании антропонимии в художественной литературе. В последние годы исследователи все чаще обращают внимание на выразительные возможности различных классов антропонимов [4]. Вопросы антропонимии в настоящее время все больше интересуют не только лингвистов, но и социологов, историков, этнографов, и видимо не случайно. Антропоним теснейшим

образом связан с именуемым объектом — человеком, членом определенного общества. Социальная структура этого общества, его идеология, культура неизбежно должны влиять на систему антропонимии. В имени, его оформлении всегда, так или иначе, содержится какая-то информация о статусе человека в обществе, об отношении к нему других членов общества — представителей различных социальных, профессиональных, возрастных и т.д. групп. Вопрос о суггестивности антропонимов в художественной литературе чрезвычайно сложен и многопланов. «Говорящими» в художественном произведении могут быть не только сами имена, их выбор, а также содержащиеся в них коннотации, но и особенности употребления имен в речи, способы их оформления, соотношенность с другими именами и т.д.

Нередко, на первый взгляд интуитивно, читатель (носитель языка оригинала) воспринимает собствен-

ные имена без выраженной семантики и эксплицитных коннотаций как стилистически маркированные, несущие определенную функциональную нагрузку. Одни из них вызывают у читателя положительные эмоции, другие явно окрашены негативно. Например, в романе Д. Б. Пристли «Улица Ангела» есть героиня по имени *Maud Verever*, которая характеризуется автором как “one of those people who at a first meeting demand to be disliked” [A.P., p. 102]. Уже само фонетическое оформление личного имени и фамилии персонажа не обладает положительной экспрессией, не вызывает у читателей особых симпатий к их носительнице, что обусловлено повторением звука [r] и его сочетанием с [v]. Современные исследования, посвященные звуковому символизму, позволяют по-новому взглянуть на причины признания одних имен благозвучными, несущими положительный эмоциональный заряд, а других — неблагозвучными, маркированными отрицательно [3]. Причем, предпочтения относительно определенных сочетаний звуков могут значительно различаться в отдельных языковых общностях. Действующими лицами романа Д. Б. Пристли «Добрые друзья» являются преимущественно актеры; помимо реальных имен, они имеют псевдонимы, в которых практически всегда присутствует аллитерация: *Jerry Jerningham*, *Morton Mitcham*, *Monte Mortimer*. Наблюдения показывают, что это характерно именно для англоязычных социумов, в русской литературе аллитерация собственных имен не столь популярна. В рассмотренных нами русских переводах романов Д. Б. Пристли полностью отсутствует какой-либо комментарий относительно звукового оформления и соответствующих коннотаций используемых автором имен.

С одной стороны, символическую функцию в художественном произведении может выполнить даже оболочка имени, с другой стороны, эта функция может быть в той или иной мере затуманена. Известно, что в реальной коммуникации этимология антропонима не имеет значения, связь имени с характеристиками лица обычно утрачена; в художественной же речи дело может обстоять совсем иначе. По воле автора оживляются уже забытые импликации имен, ставших вполне обыденными, привычными. Попытка этимологизировать такие имена и связать их с характерами персонажей дает интересные результаты. Например, имя одного из героев романа Д. Б. Пристли «Улица Ангела» — *James (James Golspie)*. Согласно словарю У. Артура, *James* означает ‘the supplanter’ [8, p. 168], т.е. «захватчик»; это значение полностью соответствует той роли, которую персонаж выполнил в романе, разорив вполне благополучно существовавшую до него фирму. Самый опытный и надежный работник той же фирмы *Mr Smeeth* получает у Пристли имя *Herbert* — ‘an expert soldier or the glory of an army’ [8, p. 158], т.е. ‘опытный солдат, гордость ар-

мии.’ Изучение этимологии имен в рассматриваемых романах Д. Б. Пристли свидетельствует о том, что она, как правило, соответствует сущности их носителей, тем не менее, в опубликованных переводах эти характеризующие особенности антропонимов также никак не комментируются.

Вполне возможно, однако, что автор не рассчитывал на такое прямое «прочтение имен» даже англоязычным читателем, но при рассмотрении художественного произведения всегда существуют разные уровни его восприятия, зависящие от подготовленности, лингвистического и экстралингвистического опыта читающих. Работая над текстом в процессе перевода, русские переводчики вполне могли бы постараться донести до своего читателя все заложенные в нем смыслы. Подобные примеры свидетельствуют об общих авторских принципах при подборе имен персонажей, о способности Д. Б. Пристли уже одним именем программировать какой-то характер.

И все-таки, вся ли информация, заложенная в авторской системе имен, декодируется читателем? По-видимому, предполагаемые ассоциации могут возникать у реципиента, а могут и отсутствовать. С другой стороны, читательская реакция на используемые имена может и не соответствовать авторским замыслам. Прежде всего, ассоциативные связи антропонимов, коннотации, лежащие в основе каких-то имяупотреблений, рассчитаны на носителей данного языка и, в первую очередь, на современников писателя. В этой связи встает вопрос о коммуникативно-прагматическом аспекте при восприятии антропонимов. При переводе он обычно приобретает особое значение. Так, например, следующий диалог представляет собой нелегкую переводческую задачу:

“Nice day, **George**,” he remarked with a wink.

“Ay,” said Mr. Oakroyd; and then, not to be outdone in this matter of handing out names, he added, dryly: “Nice enough, **Herbert**.”

“‘Ere,” said the man, straightening himself, “now I ask you. Do I look like Herbert?”

“Nay, I don’t know.” Mr. Oakroyd paused a moment. “But I’ll tell you what you don’t look like, if you ask me.”

“Go on, George. I’ll buy it.”

“You don’t look like a chap as knows how to use a saw,” replied Mr Oakroyd, softening the severity of this criticism with a companionable grin [G.C., book 1, p. 177].

Из контекста следует, что *George* и *Herbert* не личные имена собеседников, обращение *George* использовано по отношению к персонажу по имени *Jess Oakroyd*, а *Herbert* — по отношению к герою по имени *Joby Jackson*. Налицо ситуативный переход имен собственных в нарицательные — ситуативная антономасия. Как справедливо замечает Л. А. Феоктистова, любой факт вторичного употребления имени можно представить как

экспликацию одного или нескольких компонентов его значения [5, с. 89]. Судя по всему, персонажи используют в речи закрепившиеся социальные коннотации личных имен *George* и *Herbert*. Личное имя *George* в процессе речевого использования приобрело значение «какой-то неизвестный парень», оно входит, например, в состав английской идиомы *"Let George do it"* со значением «поручите это кому-нибудь другому», «пусть кто-нибудь другой это сделает» [У.С.]. Личное имя *Herbert*, как мы уже отмечали, означает *'an expert soldier or the glory of an army'* [8, p. 158]. Кроме того, имя *Herbert*, по свидетельству антропонимических словарей и справочников, в описываемый период пользовалось особой популярностью, было очень «модным» [7, с. 192–194]. Таким образом, Мистер Джэксон, по-видимому, называет мистера Окройда *George* из-за его внешности, общего вида простого «работяги» (тем более что у него в руках был ящик с инструментами). Мистер Окройд, в свою очередь, употребляет имя *Herbert* иронически, подчеркивая, что он заметил несколько высокомерное отношение к себе. В данном контексте это имя имеет обратный смысл, оно акцентирует неопытность и беспомощность Джоби, который не имеет элементарных навыков обращения с пилой, хотя и смотрит на мистера Окройда несколько свысока. Очевидно, что коннотации этих имен хорошо известны обоим собеседникам, закрепились в их речевом опыте.

В переводе Е. Б. Романовой стилистическая функция используемых имен не будет до конца понятна русскому читателю:

Отличный денек, Джордж!

– Ага, — ответил мистер Окройд и, не желая уступать незнакомцу в выдумывании имен, сухо добавил: — Неплохой, Герберт.

– Ну-ка, ну-ка! — Он выпрямился и расправил плечи. — Я что, похож на Герберта?

– Не знаю... — Мистер Окройд помолчал. — Но ежели спросишь, я отвечу, на кого ты не похож.

– Валяй, Джордж. На кого?

– Ты не похож на человека, который умеет обращаться с пилой. — Мистер Окройд смягчил суровую критику добродушной улыбкой [Д.Д., книга 1, с. 32].

Необходимо подчеркнуть, что это был не процесс «выдумывания» имен, а процесс реализации существующих в обществе коннотаций употребляемых имен. Прагматический эффект, на который рассчитывал автор, в переводе не достигнут. Переводчице необходимо было или сделать сноску, разъясняющую импликацию используемых антропонимов, или ввести в контекст слова, поясняющие читателю смысл такого имяупотребления. Можно предложить следующий вариант перевода:

– Хороший денек, **трудяга Джордж!** — сказал он, подмигивая.

– Отличный, — заметил мистер Окройд и, не желая уступать незнакомцу **в умении присваивать имена**, сухо добавил: — Неплохой, **умелец Герберт**.

– Ну-ка, ну-ка! — Он выпрямился и расправил плечи. — Я что, похож на Герберта?

– Не знаю... — Мистер Окройд помолчал. — Но если спросишь, я отвечу, на кого ты уж точно не похож.

– Давай, Джордж, договаривай. На кого?

– Ты не похож на человека, который умеет как следует обращаться с пилой. — Мистер Окройд смягчил свою суровую критику добродушной улыбкой.

Значимые потери смысла произошли и при переводе следующего диалога из романа Д. Б. Пристли «Улица Ангела»:

*"Bloody bad, I call it, if **Ethel here** 'll excuse me."*

Miss Matfield turned on him at once.

"My name is Matfield," she told him. "If you want to say 'bloody' you can, for all I care, but I'm not 'Ethel here' or Ethel anywhere else, and I don't intend to be" [A.P., p. 36].

В переводе, выполненном М. Е. Абкиной, читаем:

– Гнусно. Дерьмовые дела, сказал бы я, если **Этель** извинит меня за такое выражение.

Мисс Мэтфилд немедленно обрушилась на него.

– Моя фамилия Мэтфилд! — крикнула она. — Можете выразаться как угодно, меня это не касается. Но я вам не Этель и не желаю быть Этель (У.А., с. 51).

Русскому читателю наверняка будет непонятен гнев героини по поводу употребления имени Этель в ее адрес. Из контекста романа следует, что настоящее имя героини — *Lilian Matfield*, и говорящий знает это. *Ethel — Sax. 'Noble'* ('благородная') (8, p. 101). Герой называет героиню *Ethel*, чтобы подчеркнуть присущее ей некоторое высокомерие, с которым она обычно относилась к другим служащим конторы, ее нетерпимость к вульгаризмам в речи и т.д., т.е. он исходит из этимологии имени *Ethel* и его социальных коннотаций. Кроме того, говорящий использует антропонимическую формулу *Ethel here*, которая является несколько небрежной разговорной формулой привлечения внимания к определенному лицу. Знание всех этих коннотаций и вызвало у мисс Мэтфилд соответствующую реакцию. В переводе следовало бы сделать сноску, объясняющую причины появления данного именования в этом контексте или снова ввести в контекст перевода лексические единицы, поясняющие причину своеобразного имяупотребления. Можно предложить следующий перевод:

– Дела — хуже некуда, мы в полном дерьме, сказал бы я, если **наша благородная Этель** позволит мне так выразиться.

Мисс Мэтфилд немедленно обрушилась на него.

— *Моя фамилия Мэтфилд! — крикнула она. — Можете выражаться как угодно, меня это не волнует. Но я вам ни «наша Этель», ни «ваша Этель», и я не желаю быть Этель* (У.А., с. 51).

Кроме того, требует пояснения тот факт, что героиня настаивает на том, чтобы ее называли по фамилии. В описываемый период времени в профессиональном социальном поле (термин В.И. Болотова) [1, с. 6] Великобритании было принято обращаться к коллегам по фамилии, даже к женщинам).

Реакция самих персонажей на те или иные имена, те оценочные характеристики, которые они им дают, указание на вызываемые антропонимом ассоциации представляют большой интерес для исследователя. Приведем пример из романа «Добрые друзья»:

“Miss Trant was now positive that the little man, the very uneasy little man was Mr Eric Tipstead. To begin with, he looked exactly like a Mr Eric Tipstead” [G.C., book 1, p. 97].

По-видимому, ни личное имя героя, ни его фамилия не вызывают у мисс Трэнт каких-либо положительных ассоциаций в пользу своего носителя (не свидетельствуют, например, о его высоком социальном положении, т.к. фамильные имена с субтемой *-stead* (суффиксом, сохранившим свое значение) исторически относятся к «простонародным», кроме того, имена нельзя назвать благозвучными и т.д.). По-своему реагирует на эту фамилию официант:

“If ‘e was that by name, ‘e wasn’t that by nature,” the man observed rather bitterly [G.C., Book 2, p. 168].

Этот персонаж, по-видимому, исходит из структуры фамилии и семантики ее составляющих: *Tip + stead*. *Tip* — «чаевые», *stead*, по всей вероятности, воспринимается в одном из устаревших сейчас значений этого слова — «польза», «выгода». Говорящий имеет в виду, что, хотя фамилия посетителя предполагала чаевые, от него самого он их не дождался. В переводе Е. Б. Романовой просто указывается: «Типстед — от английского *tips* — чаевые» [Д.Д., с. 41]. Необходимо было дать более развернутое пояснение. Социальные параметры антропонимии весьма изменчивы, и чаще всего именно антропонимикон реалистического художественного произведения, относящегося к определенному историческому периоду, дает представление о социальных импликациях тех или иных имен и антропонимических формул. В.В. Виноградов отмечал в свое время, что изучение литературной антропонимики обязательно должно затрагивать социально-речевой фон [2, с. 38].

Исследование семантики антропонима свидетельствует о том, что в ней неизбежно присутствует

социальный компонент. Сигнификативное значение антропонима включает универсальный социальный компонент — указание на национальную принадлежность носителя. Сема национальности имплицитно всегда присутствует в антропониме и может быть представлена хотя бы оппозицией «соотечественник / иностранец». Языковое значение ряда антропонимов может включать и факультативные социальные компоненты, в частности, указание на социальное происхождение носителя и его территориальную локализацию (указание на место рождения или жительства). Личное имя имеет также социальную отмеченность в плане популярности (модности) данного имени в определенный период жизни общества, косвенно указывающую на возраст носителя [6, с. 29]. Характерные для определенной местности словообразовательные типы фамилий обычно хорошо известны носителям языка, легко идентифицируются ими, Д. Пристли достаточно активно использует этот потенциал реальных антропонимов, их характеристические возможности. Приведем ряд примеров, в которых употребление имен комментируется в самом контексте и благодаря этому объясняется в переводе:

“Oakroyd’s my name. It’s a right old Bruddersford name.” — “And mine’s Trant, and that’s an old name too, in Gloucestershire” [G.C., book 1, p. 117].

«Меня зовут Окройд. Старая браддерсфордская фамилия. — А меня Трانت, это тоже старая фамилия — в Глостершире» [Д.Д., книга 1, с. 48].

Однако читатели перевода, как правило, не «считывают» всю информацию с используемых имен. Так, в романах Д.Б. Пристли много фамилий со следующими субтемами: — *royd* (диалектное для *'road'* — «дорога»), — *wick* (О.Е. *'dairy-farm'* — «ферма»), — *thorp(e)* (О.Е. *'farm'* — «ферма»). Пристли — певец Йоркшира, а данные субтемы характерны для фамильных имен уроженцев именно этого края. Рассмотрение антропонимикона анализируемых романов свидетельствует и о том, что структура используемых фамилий всегда связана с социальной принадлежностью персонажей. Фамилии представителей низших классов в большинстве своем — однотемные, безаффиксированные — *Black* (A.P.), *Moore* (G.C.), или аффиксированные — *Briggs* (G.C.), *Cripps* (G.C.), *Sellers* (A.P.). Весьма многочисленны среди персонажей незнатного происхождения фамилии с субтемой — *son* (A.S. *sunu* — «сын»): *Jackson* (G.C.), *Dobson* (A.P.), *Tomlinson* (A.P.). Большинство персонажей, представляющих в произведениях писателя лондонское простонародье — кокни, носят фамилии с субтемой — *ton* (A.S. *tun* — «город»): *Pelumpton* (A.P.), *Purton* (G.C.), *Newwington* (A.P.). Для персонажей знатного происхождения наиболее типичны фамилии с топонимическими субтемами — *field*, — *ford*, — *ham*: *Burpenfield* (A.P.), *Chillingford* (G.C.), *Dersingham* (A.P.). Желательно, чтобы

и читатель перевода мог производить эту социальную дифференциацию английских фамилий.

Подбирая личные имена для своих героев, Пристли, прежде всего, как и при подборе фамилий, следует «закону национального соответствия», он также учитывает возраст персонажа, т.е. исходит из популярности имен в определенные годы. Большинство героинь очень «многонаселенного» романа «Добрые друзья» носит, например, имена, которые были популярны в Великобритании в 20-е — 30-е годы XX века только в средних и низших слоях общества: *Daisy, Elsie, Freda, Hilda, Lily* [8, 187–188]. То же самое относится и к мужским именам: *Albert, Eric, Fred, Leonard* [7, с. 192–194]. Однако некоторые имена «выбиваются» из этого общего социального фона. Так, например, школьный учитель — выпускник Кембриджа в романе «Добрые друзья» носит необычное имя — *Inigo*, которое не было обнаружено нами в английских антропонимических словарях. Интернет поиск выявил следующую информацию об этом имени: «English form of ÍÑIGO. It became well-known in Britain due to the 17th-century English architect Inigo Jones. He was named after his father, a Catholic who was named for Saint Ignatius of Loyola» [B.N.]. — «Английская форма имени ÍÑIGO. Оно приобрело известность в Британии благодаря английскому архитектору XVII века Иниго Джоунсу. Его так называли в честь отца, католика, который, в свою очередь, получил это имя в честь Святого Игнатия де Лойола» (перевод наш — Н.Ш.). Кроме того, данное личное имя имеет помету *rare* ('редкое'). По всей вероятности, главной задачей Пристли было найти имя, которое бы просто выделялось на общем фоне, т.к. герой действительно являлся незаурядным человеком, у которого неожиданно открылся талант виртуозного пианиста и композитора. Конечно, и это имя заслуживало комментария в переводе.

Большую социальную нагрузку в исследуемых романах несут и антропонимические формулы, т.е. вариативные формы личных имен и фамилий с добавлением антропонимических формантов *Mr, Mrs, Miss*, титульных слов *Sir, Lady* и т.д. Рассматривая способы номинации персонажей, можно установить связь между набором компонентов в антропонимической формуле и социальным статусом именуемого. Средние имена и двухсоставные фамилии имеют только персонажи с определенным социальным статусом — *Howard Bromport Dersingham* [A.P.], *Mrs Bevison-Burr* [G.C.]. Чем больше компонентов содержит именование персонажа, тем выше его социальный статус или официальнее ситуация общения: *Sir Joseph Higden, Bart* (сокращение от *Baronet*) [G.C.], *the Reverend Higginworth Wenderby* [G.C.]. Социально маркированным является также употребление полного имени или его деривата, сокращенной или полной формы антропонимического форманта и т.д. Приведем пример из романа «Добрые друзья»:

“What’s your name?”

“Oa——” he began, then recollected himself. “Oglethorpe,” he announced boldly, “Sam Oglethorpe. And I come from Wabley i’ Yorkshire”.

“And you sound as if you do, **Mister**,” said the sergeant [65].

«Как вас зовут?»

– О... — начал было он, но вовремя опомнился. — Оглторп. Сэм Оглторп. Я, стало быть, из Уэбли, что в Йоркшире.

– Оно и слышно, **мистер**, — сказал сержант» [Д.Д. книга 2, 86].

Русский читатель наверняка не знает, что употребление полной формы антропонимического форманта *Mister* в качестве эквивалента имени собственного в обращении обычно свидетельствует о принижении говорящим собственного социального статуса. Так обычно обращались к согражданам полицейские, официанты, попрошайки и т.д.

В свою очередь антропонимический формант *Missus* (*Missis*) часто используется героями Пристли для номинации жены, и русские переводчики обычно используют это слово:

“My *missis* knows that. She’s on the right side of me. We’re the best of pals, the very best [G.C., Book 2, 88].

«Моя **жена** это знает. Она со мной заодно. Мы с ней лучшие друзья, самые лучшие!» [96].

Однако данные номинации содержат в себе определенные социально-стилистические коннотации, в разных контекстах в русском языке в качестве соответствий лучше использовать: «моя половина», «хозяйка», «хозяйка», «женушка», «супружница», «благочестивая» и т.д.

Отражая в своих произведениях нормы реального имяупотребления в определенные исторические периоды, писатели-реалисты предоставляют интересный материал для их сопоставления с современным использованием антропонимов и антропонимических формул. Обладая многочисленными социально-культурными коннотациями, приобретенными в процессе речевого использования, антропонимы возрождают ассоциации, вызываемые определенными именами и формами имен, существующие в обществе в определенный исторический период и в определенной социальной среде. Реальная ономастика предоставляет большие возможности для стилистической ономастики, для творческого использования существующих или существовавших когда-то имен собственных в художественной литературе. Экспрессивные коннотации антропонимов могут быть обусловлены их звучанием, этимологией, а также социальным и личным опытом общения участников коммуникации. К сожалению, при переводе этот экспрессив-

ный потенциал нередко утрачивается, русский читатель не видит ничего особенного в использовании таких, как ему кажется, «обычных» английских имен. Желательно,

чтобы перевод любого художественного произведения сопровождался отдельным комментарием относительно его антропонимикона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотов В. И. Актуализация антропонимов в речи: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. С. 6–8.
2. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд.-во Акад. наук СССР, 1963. 255 с.
3. Воронин С. В. Основы фоносемантики. 2-е изд., стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2006. 248 с.
4. Соколова М. В. Функционально-стилистическая нагрузка имени собственного в художественном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 182–184.
5. Феоктистова Л. А. К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 85–116.
6. Шутова Н. М. Социальный компонент в семантике английских антропонимов и его структура // Вестник Удмуртского университета. 1993. Вып. 7. С. 29–32.
7. Dunkling L. A. First names first. London: Hodder and Stoughton /Coronet books/, 1978. 285 p.
8. Arthur W. An etymological dictionary of family and Christian names. New York: Sheldon, Blakeman and Co., 1857. 300 p.
9. Универсальный англо-русский словарь (У.С.) Режим доступа: https://universal_en_ru.academic.ru/1483159/let_George_do_it
10. Priestley J. V. Angel Pavement (A.P.). М.: Progress Publ., 1974. 504 с.
11. Priestley J. V. The Good Companions (G.C.). Publisher: Arrow Books Ltd, 2000. Books 1, 2, 3. Режим доступа: https://www.goodreads.com/book/show/625233.The_Good_Companions
12. Пристли Д. Б. Улица Ангела (У.А.). / Пер. с англ. М. Е. Абкиной. М.: Гослитиздат, 1960. 504 с.
13. Пристли Д. Б. Добрые друзья (Д.Д.) / Пер. с англ. Е. Б. Романова. Издатель: АСТ: Астрель, М. 2012. Книги 1, 2, 3. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=170796>

© Шутова Нелла Максимовна (Nella_Shutova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

